

Рец. на: А.Ф. Валеева. Языковое поведение в полиэтническом обществе (социологическая диверсификативность) / Под ред. Г.В. Дыльнова. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2003. 312 с.

И.В. Лоткин

Специфика языка как элемента системы культуры определяется его непосредственной связью с мышлением. Именно в языке находят отражение мыслительные структуры деятельности человека. Это определяет место языка в обществе не только как средства коммуникации, но и как необходимого условия и одновременно отражения культуры каждого народа. Подобное положение языка выдвигает его наряду с общностью этнической территории, социально-экономической структурой и культурнобытовым укладом в качестве одного из основных признаков этноса.

Языковое поведение – это реальный процесс речевого общения, имеющий личностную или групповую специфику, воплощенный во внешне наблюдаемые поступки и действия социальных субъектов, связанные с функционированием и развитием используемого языка.

В рецензируемой монографии предпринята попытка на основе исследования теоретико-методологических и практических предпосылок решения проблемы языкового поведения в полиэтническом обществе обосновать подходы к созданию социологической теории языкового поведения.

Основываясь на оценках респондентов и собственных размышлениях, автор монографии пришел к заключению, что “федерализация как способ и процесс развития многонациональных государств в направлении формирования в них подлинно федералистских отношений оказывает позитивное воздействие на ряд важных аспектов и сторон языкового поведения полиэтнического общества” (с. 278–279).

Анализ типа языкового поведения и характера взаимосвязей между этим поведением и реформированием административно-территориального устройства РФ позволил высказать предположение, что “и в других поли- или двуэтнических субъектах РФ могут существовать сходные с татарстанскими федералистско-социолингвисти-

---

Илья Викторович Лоткин — кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета путей сообщения.

ческие взаимосвязи и зависимости между федерализацией и языковой активностью их населения, требующие адекватных социально-политических действий” (с. 279).

В этнолингвистических разработках ныне существующая в Республике Татарстан языковая ситуация чаще всего квалифицируется как неродственное двуязычие, демонстрирующее отсутствие генетической близости языков, составляющих языковую ситуацию. Интересно замечание автора монографии о том, что “энергичные усилия властей Татарстана по внедрению татарского языка в те сферы и среды языкового общения, где ранее доминировал русский язык, пока не привели к кардинальным изменениям: и русские, и татары по-прежнему используют в основном русский язык для решения производственных проблем, общения в торговле, на транспорте, в учреждениях образования и культуры и т.д., тогда как область преобладания татарского языка в языковом поведении лиц татарской национальности ограничивается семьей, родственниками и воспитанием детей” (с. 209).

Тем самым А.Ф. Валеева признает, что в Республике Татарстан существует русский функциональный моностилизм, а татарский язык низведен фактически до положения домашнего. С другой стороны, вряд ли попытки внедрения татарского языка в производственную сферу дадут положительный результат: поскольку республика находится в составе Российской Федерации, информационное пространство Татарстана будет обслуживаться преимущественно русским языком, и именно владение русским языком будет обеспечивать как русским, так и татарам оптимальные возможности горизонтальной и вертикальной мобильности.

Дискуссионный характер также носит утверждение А.Ф. Валеевой о том, что “процесс межязыкового общения, развивающийся естественным образом, в силу присущих ему, как и вообще всякому объективному процессу, внутренних закономерностей, гораздо быстрее приведет к тому, что не только татары будут знать русский язык, но и русские станут стремиться к овладению языком своих постоянных соседей и партнеров по совместной деятельности. И отнюдь не только на примитивном уровне “понимания” или “умения объясняться в определенных ситуациях” а в полной мере, с тем, чтобы использовать татарский язык, как средство достижения практических целей... Так, среди опрошенных нами студентов, свободно владеющих татарским языком, т.е. говорящих, читающих и пишущих по-татарски, при этом только 18,2% назвали татарский своим родным языком. Естественно, следует учитывать и особенности семей с межнациональными браками” (с. 172). Одним словом, по мнению автора, “имеющийся потенциал русско-татарского двуязычия в Татарстане достаточно велик. И наиболее оптимальным способом его наращивания и использования являются отнюдь не административные меры по внедрению татарского языка в различные сферы профессиональной деятельности, а создание благоприятных социальных условий для расширения и углубления повседневных спонтанных контактов между представителями разных языковых общностей в различных областях их жизни и деятельности” (там же).

С этой точкой зрения мы можем согласиться, но с двумя оговорками. Во-первых,

родной язык респондента далеко не всегда совпадает с его этнической принадлежностью. Не исключено, что среди вышеупомянутых студентов были не только русские, но и татары, свободно владеющие двумя языками, но из статусных, личных или каких-либо других соображений выбравшие родным языком русский. Во-вторых, речь идет не только о знании языка, но о реальном языковом поведении, т.е. о ситуациях, в которых татарский язык будет применяться. А здесь возможности расширения сфер влияния татарского языка, как уже было сказано выше, весьма ограничены.

Так, на с. 174 А.Ф. Валеева сама опровергает тезис о русско-татарском двуязычии среди татарской интеллигенции. Она пишет: “Результаты наших исследований в различных контекстах показывают, что во всех выделенных нами для обоснования статусных группах общение в семье строится в основном на русском языке. Татарский язык даже в семьях респондентов, которые считают его своим родным языком, зачастую играет второстепенную роль, а то и вовсе не используется”.

Наиболее показательным языковым поведением в семейном кругу работников образовательной сферы, где практически никто не использует для целей семейного общения лишь один татарский язык, хотя многие в той или иной степени им владеют. Это является естественным следствием модернизации образовательной сферы, в рамках которой общение только на татарском языке (имеются в виду профессионально-деловые контакты) практически не наблюдается. Степень распространения двуязычия среди работников образования также очень низка – по данным автора, только 25% респондентов пользуются в семейном общении как русским, так и татарским языком.

Говоря о влиянии урбанизации на языковое поведение титульного и русского населения в Татарстане, автор приходит к следующим выводам: “Урбанизация благоприятствует расширению сред и сфер русскоязычного поведения и вместе с тем локализует применение татарского языка. В урбанизированной среде наблюдается также тенденция к некоторому сокращению двуязычия. Одновременно город создает и определенные предпосылки для развития в перспективе русско-татарского билингвизма” (с. 277). Неясно, как при фактическом вытеснении татарского языка из деловой и производственной сфер эти “определенные предпосылки” будут реализованы, тем более что, по мнению А.Ф. Валеевой, реальное языковое употребление русского и татарского языков достаточно четко разграничено по линии “город–село”. “Деловой язык города – русский, села – в основном – татарский” (там же). Поэтому, на наш взгляд, фраза о русско-татарском билингвизме в городах отчасти носит дежурно-ритуальный характер.

На с. 278, раскрывая характер языковых взаимосвязей в республике, автор употребляет следующую терминологию: “В языковом поведении большей части социально-профессиональных групп русскоязычный или реже татароязычный монологизм преобладает над имеющим распространение главным образом среди татар билингвизмом диглоссного и, реже, недиглоссного характера. При этом модернистские тенденции в развитии социально-профессиональной стратификации ведут к нивели-

рованию этноязыковых различий и формированию русскоязычного или, в лучшем случае, русско-татарского диглоссного билингвистического общества, где имеющий хождение, прежде всего в среде татар, татарский язык играет второстепенную роль, а русский выступает основным средством межэтнических коммуникаций, в том числе и в профессионально-производственной сфере” (с. 278).

Мы предлагаем для прояснения ситуации наиболее существенные термины использовать в следующих значениях: 1) билингвизм, или двуязычие – явление языкового контакта, когда генерируются грамматические предложения более чем на одном языке; 2) диглоссия — функциональная дифференция языков, социально обусловленная и значимая в культурном отношении; 3) диффузия – выборочный процесс распространения инноваций; 4) интеграция языковая – приспособление и регулярное употребление материала одного языка в другом языке; 5) интерференция языковая – отклонение в речи билингва под влиянием другого языка, частичное совпадение единиц двух языков; 6) смена кода, или свитчинг – попеременное употребление говорящим двух языков во время одного речевого акта.

Итак, налицо состояние русско-татарского билингвизма и диглоссии. Процесс смены кода и интерференции если и наблюдается, то, вероятно, у русских или татар, говорящих на другом языке, когда билингв забыл или не выучил то или иное слово. Что же касается языковой диффузии, то, как совершенно справедливо считает А.Ф. Валеева, основным ее источником и носителем являются центральные и региональные средства массовой информации. Об этом процессе в монографии написано с нескрываемой тревогой, как о факторе, осложняющем языковое поведение жителей Татарстана. В языковой диффузии автор выделяет следующие элементы:

- речевую безграмотность и небрежность людей, постоянно находящихся на гребне социально-политической жизни и становящихся объектами средств массовой информации (СМИ);
- американизмы в речи россиян, как внушенная зависимость и ее неизбежность, выражение неверия в свои национальные возможности как средства самоутверждения;
- зарубежную рекламу в СМИ и на улице, декларирующую интеллектуальный цинизм, закрепленный в специфических речевых оборотах;
- жаргонизмы и откровенную сленгофилию;
- криминализированность общения и его лингвомаскировочный характер в стиле речи многих чиновников;
- бесконтрольность языковых версий литературных интернетных сайтов;
- прямые и скрытые националистические выпады персон, амбициозно заявляющих о своем этносоциальном лидерстве, основанные на тенденциозных речевых формулах (с. 280–281).

Для характеристики русско-татарского двуязычия в республике можно использовать формулу лингвиста Н. Денисона, с помощью которой он конструирует процесс языкового отмирания: А – А1//В11 – В1//А11 – В. Отмирающий язык обозначен симво-

лом А, вытесняющий его язык символом В. Римская цифра указывает на его место в ценностной системе общества.

Первый этап А – монолингвизм, когда язык достаточно гомогенен для нормального существования. Второй этап AI//BII – первый период отмирания языка. Это явление сопровождается ростом языковых контактов и лексической атакой вторгающегося языка, а также фонетическими изменениями в отмирающем языке. Третий этап VI//AII – это второй период отмирания языка. Отмирающий язык постепенно вытесняется из бытовой и производственной сферы. В результате этого возникает функциональный моностилизм, при котором язык А употребляется только в домашнем общении. Четвертый этап – это результат отмирания: “подмятый” язык угас, напоминают о нем в основном топонимы (*Denison 1977: 13–22*).

Однако в настоящее время в республике в статусе татарского языка наблюдаются характерные черты как второго, так и третьего этапа. С одной стороны, язык титульной нации занимает паритетные позиции с русским, им владеет большая часть татарского населения и небольшая часть русского, контактирующего с татарами в семье и на производстве. С другой стороны, татарский язык, как было сказано выше, фактически низведен до положения домашнего. Схема Н. Денисона подчеркивает необратимость отмирания языка, но, по глубокому убеждению А.Ф. Валеевой, ситуация в республике вовсе не выглядит необратимой. Установление в Татарстане этнократического режима М. Шаймиева, этническая мобилизация титульного населения, фактическое установление асимметричных договорных отношений между Республикой Татарстан и федеральным Центром, дискуссия о переходе татарского языка на латинскую графику, наконец, комплекс административных мер, направленных на расширение сфер употребления татарского языка – вот далеко не полный перечень факторов, которые могут способствовать реальному возрождению и повышению статуса татарского языка в республике.

Из недостатков работы можно выделить следующие.

Достаточно спорным является утверждение, что “эмблемой нации, основной этнической идентификацией, культурным символом этноса является язык. Можно выразиться и так: нация – это значительная общность людей, связанных с определенной территорией, говорящих обычно на одном языке и составляющих общество, управляемых одним правительством” (с. 85). Знаменитый английский драматург и любитель парадоксов Б. Шоу назвал англичан и ирландцев “двумя нациями, разделенными общим языком”. История прошедшего XX в. также знает немало примеров, когда некоторые этносы с совершенно различной национальной идентичностью находились в едином информационно-языковом пространстве. Так, все официальные документы “чеченской революции” первой половины 1990-х годов были написаны на русском языке.

Монография А.Ф. Валеевой насыщена объемными, широко представленными этносоциологическими материалами и сведениями, отличается глубиной и всесторонностью анализа важной проблемы, дает новые стимулы для исследования ряда

актуальных вопросов этноязыкового развития субъектов Российской Федерации с полиэтничным населением, в том числе динамики этноязыковых процессов и национального самосознания.

Литература

Denison 1977 – Denison N. Language Death or Language Suicide? // Language Death. International Journal of the Sociology of Language. 1977. № 12.

© Этнографическое обозрение Online. Январь 2006
(<http://journal.iea.ras.ru/online>)